

A cinematic photograph of a snowy city street at night. In the foreground, a person in a dark winter coat stands with their back to the camera, looking towards a large, ornate building. A bright light emanates from a doorway in the building, casting a long, golden glow across the snow. The sky is dark blue with falling snowflakes. In the background, streetlights and festive decorations are visible.

ЮЛИЯ ЕФИМОВА

ИСПОВЕДЬ
ДОЧЕРИ
“МАНЬЯКА”

Юлия Ефимова

Исповедь дочери "Маньяка"

<https://litres.ru/74005966>

SelfPub; 2026

Аннотация

Два Арбата. Старый и Новый, а на стыке — «Прага». Здание, которое помнит всё: от вонючих трактиров до золотых времен СССР, когда здесь рождались легенды гастрономии в виде тортов «Прага» и «Птичье молоко». Теперь же фасад ободран, окна заколочены, а внутри царит мертвая тишина... или это только видимая сторона?

Каждый Новый год здесь что-то происходит. Свет, пробивающийся сквозь щели в досках. Тени, скользящие в боковой вход.

Кто решается войти в закрытый ресторан ночью, когда мир замирает под бой курантов?

Ответ придется искать людям, которых не свела бы судьба ни при каких обстоятельствах, если бы не «Прага»: совсем молоденькой девушке, избалованному мажору, старику-клоуну, женщине-воительнице и пловчихе, которая уже давно не может ходить. Все они думали, что просто идут на тайный Новогодний бал, но на самом деле стали частью страшной игры, которая происходит за этими дверями вот уже 155 лет.

Добро пожаловать в «Прагу»!

Только знайте: выход отсюда будет найти сложнее, чем вход.

Содержание

Пролог	5
Глава 1. Светка и ее нога	17
Глава 2. Бал	33
Глава 3. Танцы	42
Глава 4. Сон	53
Конец ознакомительного фрагмента.	65

Исповедь дочери "Маньяка"

Пролог

*Гены — это лишь заряженные
пистолеты, а окружающая среда —
это палец на спусковом крючке. И
только человек решает, на какой
нажать.*

Фрэнсис Коллинз. Врач, генетик

Дорогой читатель!

*В этой книге всё, абсолютно всё — фантазия автора. И
все совпадения случайны.*

Мне эту историю рассказала одна статная дама в летах.

Она под села в летнем парке на лавочку по соседству и заговорила.

Дама с придыханием поведала мне все свои тайны, страшные и не очень, а потом исчезла, словно и не было её вовсе.

Я не знаю, было ли все это или я просто задремала в тени большого клёна.

Но иногда мне все же хочется сходить на Арбат, чтоб заглянуть в заколоченные окна старой «Праги».

Почему планета все ещё вертится?

Почему солнце сегодня взошло?

И так бесстыже ныряя в зеркальце,

Солнечный зайчик влетает в окно.

Ответьте мне, почему она вертится?

Почему наступил снова день?

И птица кричит, как старая сплетница,

Найдя для слухов мишень.

Внутри даже сердце остановилось,

Мой поезд сошёл с рельс

И все, что могло плохое, случилось,

Но никто не заметил процесс.

Объясните мне, что происходит?

Ведь все замереть должно!

В ответ я слышу, как ветер выводит:

«Миру, увы, все равно!»

Исповедь дочери маньяка

Она без разрешения зашла в комнату, села на единственный свободный стул, не заваленный вещами.

Не поворачивая головы, очень долго сидела сгорбленная и смотрела на свои руки. Она молчала так долго, что, казалось, никогда уже не заговорит. Но потом она выпрямила спину и произнесла:

— Привет, — у неё был бархатный, молодой голос, совсем не подходящий её возрасту. — Поговорить надо. Мне надо, — уточнила она и вновь замолчала.

Наверное, она хотела, чтоб ей помогли, задали какие-нибудь вопросы или просто выгнали. Но ничего такого не происходило. И она продолжила:

— Я первый раз это скажу вслух и только тебе. Скорее всего и последний. Чуть позже ты поймёшь, почему. Знаешь, был такой итальянский психиатр, родоначальник антропологического направления в крими-

нологии, Чезаре Ломброзо. В своих работах профессор делил преступников на четыре категории: убийцы, воры, насильники и жулики, и утверждал, что у каждой из них есть особенности внешности и поведения в социуме. Убийцам он приписывал холодный, часто кровавый взгляд. Крупный нос, загнутый, как у хищной птицы, чрезмерно развитые нижние челюсти и очень тонкие губы. Он говорил, что они нелюдины, злы и часто набивают себе татуировки. Но это всё чушь. Надо сказать, современная наука спорит с ним до сих пор. Она утверждает, что это обычные люди, часто красивые внешне и даже очень обаятельные.

И ты знаешь, я соглашусь с современной наукой, они довольно красивые люди, ведь я знаю это не понаслышке, потому что я дочь «Маньяка».

За несколько месяцев до Нового года. На балконе.

Статная дама неопределимых, честно скажем, лет, которую тут все звали мадам Секретарь, подождала, пока разговоры на экранах стихнут, кашлянула и громко произнесла:

— Дамы и господа! Приветствую вас в нашем закрытом клубе «Прага», которому насчитывается уже 155 лет. Да, гос-

пода, этот год у нас юбилейный. И игра будет особенной, так как посвящена становлению нашего общества, олицетворяя все его периоды, начиная с трактира, который извозчики называли «Брага», где прошли первые игры, и заканчивая нашими днями.

Прямоугольники телеэкранов, перед которыми стояла мадам Секретарь, выглядели как анонс детского мультфильма, потому что на каждом из них были люди в масках разных цветов. Она занимала большую половину лица, оставляя на виду только подбородок. Маски были сделаны по типу венецианской бауты, которая немного расширялась книзу и выпячивалась вперёд, тем самым решая два жизненно важных вопроса носителя: человек в ней мог есть и оставаться инкогнито. Даже разговаривая, он не боялся выдать себя, потому что строение маски меняло тембр голоса. Конечно, узнать, мужской или женский это голос, было можно, но вот опознать его — навряд ли. Маски — это был, наверное, единственный атрибут, который существовал с первого дня создания тайного общества «Прага» 155 лет назад. Всё остальное модернизировалось, каждый раз идя в ногу со временем.

— Ну и кто же тот счастливчик, что будет банковать на юбилейной игре? — спросила Белая. — Несправедливость, но мне так давно не выпадало это счастье.

— В этом году у нас будет банковать госпожа Чёрная, — объявила мадам Секретарь, и вздох разочарования пронёсся по квадратам экранов. — Так выпал жребий. Будьте вежли-

вы, господа, и уважайте наши правила. Никто не может спорить с его величеством случаем и установленными.

— Но ведь госпожа Чёрная у нас новичок, — возразил Синий. Если голос не врал, ему было лет пятьдесят. Эдакий мужчина в самом рассвете лет. Говорил он громко, выразительно, иногда жестикулируя. — Да к тому же она женщина. Нельзя юбилейную игру поручать новичку. Это как минимум непрактично, а как максимум глупо. Пусть сыграет в этом году, научится, а там...

— Сначала мне хочется сделать вам замечание: у нас нет деления на женщин и мужчин. Вы все здесь — Маски. Так же, вы все это знаете. Но я всё же напомним, что членство может передаваться исключительно близким родственникам: супругам, детям. Хотя и это не всё. После получения права на билет кандидат проходит много степеней проверки. И с той минуты, как был выдан билет, госпожа Чёрная имеет такие же права, как и остальные члены закрытого клуба «Прага», — сказала мадам Секретарь твёрдо. Она единственная здесь была без маски, но что-то подсказывало, что седина в волосах и ярко выраженные морщины — это всё бутафория. — Кодекс нашего клуба неизменен вот уже 155 лет.

— О чём мы спорим? — вступил в дискуссию господин Серый. Судя по руке, в которой он держал курительную трубку, хриплому голосу и седине перьями, торчащей вокруг маски, ему уже давно перевалило за семьдесят. — Ей помогут устроители. Со жребием спорить нельзя. Мне кажется,

мы просто теряем время в пустой дискуссии.

— Спасибо, — поблагодарила его за поддержку мадам Секретарь и продолжила: — Итак, на юбилейной 155-й игре банковать будет госпожа Чёрная.

— Чувствую, будет скучно, — фыркнула Белая. К своей маске, которая, как и у всех остальных, спускалась только до рта, немного прикрывая верхнюю губу, она приделала белую сеточку в стразах, закрывая остальную часть лица и даже шею. Тем самым очень выделялась от остальных грубых, половинчатых масок других игроков.

— Мы год ждали игру, чтоб её делал новичок! — обиженно рыкнул Фиолетовый, поправив свою маску. Она у него почему-то постоянно норовила сползти. Было непонятно, то ли маска была бракованной, то ли лицо имело нестандартное сложение, но она упорно не хотела сидеть ровно. — Я разочарован. Вообще-то цель данного общества — развлекать, а вы, что делаете вы?

— Если всё так, я, возможно, и вовсе пропущу эту годовщину, — отрезал Красный, судя по голосу и фигуре довольно молодой человек, не старше тридцати лет. Он постоянно крутил в руках фишку. — У меня, между прочим, есть планы и повеселее на Новый год.

Остальные члены клуба менее громко, но тоже поддержали своих друзей, замотав своими разноцветными масками в знак несогласия.

— Постойте, господа, — примирительно сказала Чёрная,

подняв руку с огромным красным перстнем. Рука многое сказала о новенькой, как минимум то, что ей было далеко за семьдесят. — Выслушайте вначале, мадам Секретарь, возможно, вам понравится то, что я придумала.

После того как правила юбилейной игры были оглашены, в зале наступила тишина. Все находились в ступоре от предложений, что принесла новенькая. Она сейчас казалась остальным отбитой на всю голову, и правила игры даже немного пугали членов закрытого клуба, но одновременно и притягивали разбалованных жизнью людей, которые уже и не знали, как ещё пощекотать себе нервы. Устроители, конечно, долго проверяли и её финансовое состояние, оно имело первостепенное значение, и адекватность наследницы в довольно узком, нужном для клуба понятии, но, как говорится в одной русской пословице: «от Запада до Востока, нет людей без порока», и потому поручиться за её полную адекватность никто не мог.

Банкующий имел свои обязанности и привилегии. Он оплачивал проведение игры, и от того, как много он мог позволить себе потратить, зависело, насколько всё будет эффективно. За это ему позволялось участвовать в процессе создания игры, так сказать, воплотить все самые тёмные свои фантазии в действии. Но это были только рекомендации, которые потом ложились на стол низшему звену устроителей, и уже там решалось, что и как будет выглядеть. Визировало же всё в итоге — высшее звено, о котором никто ничего не знал.

Главное правило данного общества было таким: его члены не знали друг о друге ничего. Здесь не было имён, фамилий, должностей, только цвет маски, который и становился именем. Здесь нельзя было раскрывать свою личность, за что тебя могли быстро исключить, но также запрещалось намеренно узнавать личность других игроков. Был случай, что однажды такую любопытную маску, заподозрив в шпионаже, просто обнулили, не смотря на её статус и состояние. Да, именно обнулили, а не просто выгнали из клуба «Прага».

Анонимность и умение держать всё в секрете — именно эти качества организаторов в первую очередь привлекали богачей, которым не нужна была огласка в столь деликатном и незаконном деле.

Прошло 155 лет, но люди не поменялись: что в XIX веке, что сейчас. Когда у тебя много «хлеба», то ты хочешь всё больше и больше «зрелищ».

Из присутствующих на ежегодном собрании клуба в преддверии новогодней игры никто не знал, как реагировать на предложение Чёрной, и потому все молчали. Первым молчание нарушил господин почтенного возраста — Серый. Покашляв в кулак, он тихо затянулся своей, скорее всего, антикварной трубкой и произнёс:

— Славная будет охота. Я в игре.

Настроение на экранах после этих слов сразу изменилось. Люди успокоились и согласились на сценарий, предложенный госпожой Чёрной, таким образом как бы приняв её в

свой клуб. Это говорило о том, что Серый пользовался среди других членов авторитетом, и его решение было самым веским в клубе.

В кулуарах шептались, что Серый и есть один из устройств высшего звена, но это было не точно.

— Кто-то будет делать слепую ставку? — спросила мадам Секретарь.

— Это как? — поинтересовалась Чёрная. Она тоже выдохнула, когда её условия были приняты. Ведь все эти люди, богатые и ненормальные, коими она их считала, должны стать пешками в её игре, о которой никто из них пока не догадывался.

— Можно сделать свою ставку, не видя игрока, просто на номер, — ответила ей мадам Секретарь, — и тогда ставка автоматически увеличивается. Но вы, как банкующая в этом году, а следовательно, причастная к устройству игры, можете сделать только слепую ставку, и никак иначе. Я позже вам всё объясню.

— Я тоже сделаю слепую ставку. В прошлом году мне очень понравилось. Мой номер шесть. Люблю полагаться на судьбу, — сказал Серый весело. — Вот вы знаете, что кристаллическая форма замерзшей воды представляет собой шестигранник. Каждая снежинка, являясь удивительным естественным творением природы, нет двух похожих снежинок, но всё же они все состоят из шести лучей. Конечно, если мы говорим о живой воде.

— А если о мёртвой? — ухмыльнулся Красный, видимо решив по молодости поддеть старика.

— А если о мёртвой, то если заморозить воду из микроволновки, ну или сделать из неё снежинки, то это будут ломаные инвалиды, некрасивые и, надо сказать, вредные для человека, — всё же ответил ему Серый, хотя интонацией дал понять, что понял его издёвку.

— Кто-то ещё будет делать слепую ставку? — прервала их диалог о снежинках мадам Секретарь, оглядывая экраны.

Больше на слепую ставку никто не решился. Все хотели сначала посмотреть на игроков, прочитав их резюме.

— Тогда разыгрываем очередность выбора, — сказала мадам Секретарь.

— Кому первому выпадет выбирать себе игрока, тот и победил, — с издевкой заметил Серый. — Но это не точно.

Глава 1. Светка и ее нога

Когда мы планируем — Господь смеется.

31 декабря примерно 16-15 часов по Московскому времени.

Телефон в сумке разрывался от звуков: это были и вызовы, и сообщения на все возможные мессенджеры, словно тот, кто пытался дозвониться, был в отчаянье, но по итогу это оказалась всего лишь Светка.

— Ты чего трубку не берешь?! — кричала она, даже не дождавшись приветственного «алло». — У меня горе, трагедия, катастрофа, ты где пропала? Алло, Ленка? Где ты?!

— Я здесь, не хотела брать, холодно телефон держать, а перчатки ты мне так и не вернула.

— Вот ты мелочная, холодно ей телефон держать, — кричала Светка возмущенно. — А у меня жизнь закончилась! Срочно дуй домой, ты уже три часа как должна была смену закончить, где шляешься? И да, зайди в наш магаз, купи мне бутылку шампанского, а лучше две.

— У меня денег нет, — призналась виновато Лена.

— В смысле — нет? Тебе что, Манана не заплатила? — удивилась Светка.

Конечно же, заплатила, да еще и премию к Новому году дала, но Ленка все деньги потратила на ресторан.

Из пивнухи, в которой Лена работала уже год, она каж-

дый день видела двери и окна шикарного ресторана напротив. Хотя что это она, здесь, на Новом Арбате других и не было, только их пивнуха непонятно как затесалась, как бедный родственник на богатой свадьбе. Но этот ресторан ей понравился почему-то особенно. Может, потому что интерьер в нем был сказочный, словно царские палаты, а возможно, потому что она каждую свободную минутку наблюдала в его окнах красивую, а главное счастливую жизнь, как в телевизоре. Видела, как мужчины и женщины, лощенные, улыбчивые, пили, ели, смеялись. Они приходили туда парами и семьями, и Лене казалось, что это лучшее место на земле, и все люди, переступая его порог, автоматически становились счастливыми. Казалось, что блюда там изумительного и неповторимого вкуса, и когда их ешь, испытываешь невероятное удовольствие. Лена решила сделать себе на Новый год подарок — хоть разок сходить туда. Поэтому, скопив немного денег и добавив к этому сегодняшнюю премию, она пошла в ресторан мечты.

Счастливой Лена, конечно же, не стала, более того, почувствовала себя еще больше несчастной. Ей постоянно казалось, что официанты смотрят на нее высокомерно и брезгливо, еда тоже подвела, была пресной и безвкусной. В итоге вместо призрачного счастья она получила унижение и потратила все свои деньги. И вот теперь не знала, как сказать подруге, что денег на шампанское нет, а ведь именно ей, рыдающей в трубку Светке, она была обязана на данный мо-

мент всем.

Еще год назад Лене казалось, что жизнь закончена, но маленькая рыжая девчонка, жующая с открытым ртом жвачку, постучала беспардонно по спине.

«Ты что здесь торчишь целый день? — спросила ее девушка лет двадцати и без всякого стеснения добавила: — Бомжуешь?»

Конечно, Светка тогда вредничала, потому что одежда на Ленке была хорошая, чистая, и на бомжа она не смахивала, но вот замерзла, конечно, тогда на славу.

«Любуюсь. Иди куда топала», — огрызнулась Ленка. Сообразив, что с хамкой они примерно ровесницы, она не стала любезничать и сразу перешла на грубый тон.

«Ага, ври больше, — хмыкнула деваха. — Я всю смену за тобой наблюдаю», — и она показала на расположенную рядом пивнуху.

Вид то заведение имело скромный, но так как располагалось на Новом Арбате, принимало у себя совершенно разных клиентов: от забулдыг до депутатов.

«Предлагаю один раз, — сказала тогда Светка. — Я живу на Старом в коммуналке, рядом совсем, пошли погреешься. Денег не дам, но и у тебя за обогрев не возьму. Как зовут-то тебя?»

«Зачем?» — спросила она тогда не к месту.

«Дочку так назову, — серьезно ответила Светка, но вдруг прыснула. — Шучу!»

«Лена», — назвала она тогда первое имя, что пришло в голову, еле шевелящимися от мороза губами.

«Светка», — представилась рыжая и, ничего больше не говоря, пошла в переулок.

Почему Лена тогда пошла за ней, как не испугалась, она до сих пор не знала, но одно теперь знала точно: Светке она обязана всем.

Именно новая подруга позже устроила ее в пивнуху на Новом Арбате, как там говорили — стоять на кранах. Причем по-свойски, как умела, Светка договорилась с главным администратором Мананой, что Лена будет работать без паспорта — мол, потеряла. Без документов, правда, платили в два раза меньше, зато по факту каждый день, и Лену это устраивало. Главное, хватало на диванчик в маленькой комнате Светки и еду, а больше ей пока ничего не требовалось. Весь год Лена просто зализывала раны, пытаясь прийти в себя, и старалась не думать ни о прошлом, ни тем более о будущем, потому что не понятно было что из этого страшнее.

— А ты что, дома? — вместо ответа про зарплату спросила свою благодетельницу Лена. — Ты же сегодня на бал идешь!

Месяц назад Светка прибежала счастливая, держа в руках дорогое приглашение. Она прыгала по своей кровати, по тахте и даже по-старому, видевшему еще детей того самого Арбата, комоду, и кричала:

«Я вытянула счастливый билет, все, теперь я селебрити,

теперь олигарх мой!»

Когда запыхавшаяся от бега и смеха Светка успокоилась, то объяснила свое сумасшествие.

Еще год назад, в первый же день знакомства, Светлана рассказала Лене, что у нее есть бизнес-план. Да-да, именно бизнес-план, а не мечта какая-то, потому как первые воплощаются в жизнь, а вторые обычно нет. План заключался в том, чтоб выйти замуж за олигарха.

Над их пивнухой находился ресторан. Номинально он относился к ним, да вот только контингент в нем никогда не смотрел на цены в меню. Ресторан был для высшего общества. Такие, как Светка и Ленка, даже в официантки туда не годились. Обслуживающий персонал отбирали как на подиум. Кроме знания столового этикета, меню и опыта работы в подобных заведениях, в обязательном порядке нужна была модельная внешность, чего у обеих подруг не имелось. Зато Светка была деваха пробивная и даже, можно сказать, немного навязчивая, и потому дружила с официантками со второго этажа.

Как она сама выражалась: у них не было шанса ускользнуть от моей дружбы. Вот одна из таких избранных месяца три назад рассказала Светке, что на Новый год в Москве проходят закрытые вечеринки, на которые попасть невозможно, и на них девушки легко находят себе миллионеров.

Девчонки из ресторана сверху подрабатывают на тех вечеринках и наблюдают весь процесс, что называется, офлайн.

Коллега тут же намекала, что мол, она может по-свойски у менеджера попросить приглашение для Светки за небольшое, а на самом деле огромное для бедной официантки, вознаграждение.

«Понимаешь, Светик, найти олигарха там — ничего не стоит», — говорила красотка.

На справедливый вопрос, а почему ты не ищешь, официантка-модель отвечала, томно вздыхая, что у нее есть парень и она, как ни странно, его любит. Находят же олигархов девушки свободные.

Каждая приезжая дурочка мечтает об олигархе, доме на Новой Риге и квартире в Хамовниках. Светка была из таких же, только с одной поправкой: она была еще и упертой. Светик долго и мучительно обрабатывала красотку со второго этажа и все-таки получила желанное приглашение. Сколько оно стоило, Лена не знала, но всё, что скопила экономная Светка, она отдала за билет. Видимо, подруга со второго этажа — не такая уж и подруга — и взяла с нее за призрачное счастье немало.

Лена потому и пошла сегодня после работы в свой ресторан «разочарование», будучи на сто процентов уверенной, что ее соседка уже, если не поймала себе олигарха, то точно направилась на охоту.

И вот, в день икс на вопрос о балле олигархов Светка разрыдалась в трубку и отключилась, чего за ней ранее не водилось. Эта жизнерадостная бестия танцевала, припрыгивая,

даже тогда, когда оторвала ноготь о сломанный кран в пивнухе.

Поняв, что случилась какая-то катастрофа, Ленка побежала домой, вернее, в старую коммуналку, пахнущую пылью и нафталином, что служила ей последний год домом.

По пути она забежала в продуктовый в соседнем доме, там они со Светкой никогда и ничего не покупали, потому как наценка здесь была не шуточная, он был больше ориентирован на туристов, гуляющих по Старому Арбату, но вот хозяина они неплохо знали. Рашид жил в соседней комнате и иногда приходил к девчонкам на ужин. Нет, он не приставал и даже не заигрывал, просто ел. Жена у Рашида жила далеко, и потому он очень скучал по домашней кухне, а сам готовить не умел.

— С наступающим Новым годом, — произнесла Лена радостно, увидев за прилавком соседа.

— Что надо? — Рашид сразу смекнул, что сейчас последует просьба, и улыбаться в ответ не спешил.

— Рашидик, миленький, дай бутылку шампанского в долг! — попросила она, сразу же покраснев. Сосед округлил возмущенно глаза, но зная, что раньше такого не было, тихо спросил:

— Что случилось?

— Понимаешь, я всю зарплату потратила, — сказала Ленка, смутившись, — а Светка плачет там, говорит, горе у нее. Я отдам, честное слово, моя смена в пивнухе третьего янва-

ря, я третьего и принесу. — И как последнюю возможность вымолить шампанское, произнесла: — Клянусь!

— Куда потратила? — по-свойски спросил Рашид, протягивая Ленке бутылку.

— В ресторан ходила, — честно ответила она и тут же принялась оправдываться: — Ну, сегодня же Новый год, Светка должна была уйти на праздник, вот я и подумала, что устрою его и себе. Пойду в ресторан, поем вкусно, посижу в красивом месте, а потом приду и спать лягу. Я же не знала, что у Светки трагедия.

— Ох, — хрюкнул от смеха Рашид. — Ребенок ты еще. В какой ресторан-то ходила?

— В «Печки-лавки», — гордо ответила Ленка, решив, что Рашиду не надо знать о ее разочарованиях. — Там так круто, такой интерьер красивый, блюда — просто пальчики оближешь, — забыв, что еще пять минут назад почти плакала из-за данного похода, рассказывала Лена.

— «Печки-лавки»! — опять хохотнул Рашид. — Забегаловка.

Лена хотела обидеться, но протянутая ей бутылка шампанского напоминала о долге, и она передумала.

Снег, словно бы вспомнив, что сегодня Новый год, продолжал падать крупными хлопьями, создавая настроение гуляющим по Арбату. Теперь, когда в руках была такая дорогая во всех смыслах бутылка шампанского, Лена не бежала, а медленно шла, боясь упасть и разбить.

В подъезде опять кто-то выкрутил лампочку, и пришлось идти на ощупь.

— Ленка, ты? — послышалось в подъездной мгле, где только свет от окна немного рассеивал темноту.

— Я, — ответила она Максимке. Лена сразу узнала по голосу бомжа, который пригрелся у них на окне. Он уже почти полгода, а может и больше, жил в их подъезде, и девушке было очень жалко еще не старого, но такого грязного и заросшего, а главное — потерявшегося в жизни человека. Иногда, когда у них оставалась еда от ужина, она тайно от Светки, которая очень за это ругалась, выносила ему пластиковый контейнер.

Почему-то любившей весь мир подруге не приглянулся только бомж Максимка.

«Мутный он какой-то, — любила говорить Светка. — Я людей чую, точно мутный, не подходи к нему».

Но Лена все равно жалела опустившегося человека, возможно, отчасти видя в нем себя, и понимая, что, если бы не добрая Светка, возможно, она тоже вот так бы сидела на грязных окнах.

— Поздно ты сегодня, — заметил он, не вставая с подоконника, который приспособил себе для ночлега. — С наступающим Новым годом.

— Ты лампочку выкрутил? — спросила Ленка строго.

— Да, я завтра вкручу, — тут же сознался Максимка. — Не ругайся. У меня ведь тоже Новый год, я тут стол накрыл,

водки купил, люди будут ходить, увидят, в полицию позвонят. А так, пока вошедшие оглядываются внизу, привыкая к темноте, я уже успеваю все спрятать и сам спрятаться.

— Как понял, что это я? — спросила Лена, чтобы смелить тему. Она не одобряла действий Максимки, но и ругать ущербного язык не поворачивался.

— Так ты пахнешь по-особенному, — ответил тот.

— И тебя с наступающим, — сказала Ленка примирительно, вставляя на ощупь ключ в дверь.

— Спасибо, — она услышала по интонации, что Максимка перестал улыбаться. — Желаю тебе, Ленка, от всей своей божьей души, обрести себя в новом году. Это очень важно, поверь, вот я однажды потерял себя на просторах своей судьбы и все, найти не могу, да и, наверное, уже не хочу.

— Спасибо, — пролепетала Лена, не зная, как реагировать на столь душевный порыв.

Еще в коридоре было понятно, что у Светки настоящая трагедия. Ее плач разносился по всей коммуналке, диссоциируя с песнями из «Бриллиантовой руки», которые слышались из первой комнаты. Там проживала Инесса Вениаминовна, женщина по причине своего преклонного возраста была глуховата, и потому телевизор вместе с ней «смотрели» все жильцы дома.

— Пришла, — с вызовом сказала Светка. — А говорила, денег нет, — прокомментировала она бутылку в Ленкиных руках.

— Это я у Рашида в долг взяла, — призналась Ленка. — Рассказывай, что случилось и почему ты еще не при параде. Светка откинула плед, и под ним показалась нога в гипсе. — Сломала! — вновь заревела Светка с еще большей амплитудой, казалось, победив даже телевизор Инессы Вениаминовны.

Ленка быстренько открыла бутылку шампанского, сбегала в холодильник за льдом. Его Светка специально морозила, чтоб убирать мешки под глазами после бессонных ночей, и сунула шипящий бокал рыдающей подруге.

Та, не сопротивляясь, выпила его залпом и сморщилась от газов, ударивших в нос.

— Упала? — спросила Ленка сочувственно, показывая на ногу.

— Уху, — ответила Светка печально, но уже без надрыва. Видимо, силы горевать потихоньку заканчивались, а может быть, уже подействовало шампанское.

— Ну и бог с ними, с этими олигархами, — рассудила Ленка. — Значит, так надо было. Моя тетка всегда так говорила.

Последнее предложение вылетело само, и Ленка испугалась. Она запрещала себе думать о ней, и, казалось бы, все удавалось, но вот фраза из прошлого вырывается против ее воли, и сразу становится больно и страшно.

В это время Светка, выпив и второй бокал залпом, стала как-то внимательно смотреть на Ленку.

— Что? — спросила та ее. Лене не хотелось, чтоб сейчас она начала расспрашивать про тетку, ведь в начале их знакомства она сказала, что сирота.

Но подруга заговорила совсем о другом.

— Мы ведь с тобой похожи! Рост примерно метр шестьдесят пять, так?

— Метр шестьдесят восемь, — поправила ее Ленка.

— Глаза голубые, — продолжала загибать пальцы Светка.

— Серые, — возразила она.

— Телосложение обычное. Одна разница, я рыжая, а ты русая, — казалось, больше для себя говорила Светлана. — Но опять же, у меня есть хна.

— У тебя грудь третьего размера, а у меня первого, — привела весомый аргумент Ленка, сама не понимая, зачем позволила втянуть себя в это сравнение и зачем Светке хна.

— Для этого Господь придумал вату, — спокойно произнесла подруга, махнув успокаивающе рукой.

— Точно для этого? — уточнила Лена. — Мне казалось, все же для другого, раны там перевязывать.

— Это побочный функционал, — уже весело произнесла Света. Видимо, шампанское сделало свое дело, и девушка смирилась с поражением. — Главное, для чего нужна вата, это для увеличения женской груди. Ну что, Ленка, будем из тебя Светку делать. Ведь я фото отправляла и анкету на сайте заполняла, так что придется тебя немного подправить.

— Зачем? — Конечно, она не была душой и начала дога-

дываться, что задумала подруга, но не хотела в это верить.

— Пойдешь на бал олигархов вместо меня, — сказала деловито Света, допивая шампанское прямо из бутылки. — Что я, зря столько «дружила» с этой ненормальной?

— Нет, — сказала Лена, боясь гнева подруги.

— Ты только подумай! — почти закричала соседка и, вскочив на одну ногу, заскакала на ней до шкафа. — Я купила это платье, причем не на Садовом, а на Садовом кольце, чувствуешь разницу? — Светка достала шикарное платье цвета шампань и бросила его на рядом стоящее кресло. — Вот эти туфли я выкупила на Авито, конечно, они не новые, но это настоящие лабутены, — теперь она бережно поставила рядом коробку. — И все это, все мои усилия пропадут даром. А приглашение, знаешь, сколько мне оно стоило? Ты даже не представляешь! Поэтому ты пойдешь, найдешь себе олигарха, а потом познакомишь меня с его другом, ну или я его у тебя просто отобью, — огласила свой нехитрый план подруга.

— Светка, ты что? — произнесла Ленка успокаивающе. — Не найду я никакого олигарха. Я же серая мышь, не красивая и не интересная. У меня нет таких роскошных медных кудрей, как у тебя, смотри, мои волосы блеклые и прямые, как пакля. А глаза? У тебя они голубые, как небо на Сахалине, а мои глаза серые, как обычное небо над Москвой. А еще, ты ведь смелая и веселая, ты тогда подошла ко мне и спасла, тебя любят в нашей пивнухе все: и коллеги, и клиенты, а со

мною только божь Максимику разговаривает. Честно-честно, вот сегодня заходил Петр Борисович и оставил тебе подарок, Манана мне не доверила, вдруг там что-то дорогое, сказала, что отдаст тебе его сама.

Надо сказать, это было чистой правдой. Старичок лет шестидесяти пяти приходил к ним почти каждый день. Он не напивался, просто брал бокал светлого пива и потягивал его весь вечер. Однажды он рассказал Светке, что профессор, но вот родственников, так случилось, в живых никого уже не осталось, и он приходит сюда, чтоб посмотреть на людей, послушать их разговоры и почувствовать себя снова живым, а в своей старой и огромной квартире, переполненной воспоминаниями и фотографиями, пусть и находящейся в самом центре Москвы, ему иногда кажется, что он уже умер и это его персональный ад.

— Если кто и был способен поймать того самого олигарха, то это ты. Я только все испорчу, — закончила Ленка и увидела, как подруга опять плачет, только теперь тихо и печально.

— Во-первых, ты не такая, — сквозь слезы произнесла Светлана, — а во-вторых, знаешь, у меня есть одно правило: если есть хоть малейший шанс, то его надо использовать. — Ленка хотела возразить, но подруга ее остановила: — Обещаю не ругаться, если у тебя не получится, но ты все равно пойдешь, потому что — а вдруг? Все носи хну, тазик и кисточку, будем тебя красить. У нас два часа, надо еще успеть

тебя накрутить. Поверь мне, яркие волосы, кудри и все — к глазам и веснушкам никто приглядываться не будет. Хотя веснушки можно и нарисовать. Шевелись, времени в обрез. Хорошо хоть бал рядом проходит.

— Где? — спросила Лена на автомате, потому что у нее шла внутренняя борьба. Она пыталась себя уговорить, приводя несокрушимые аргументы, типа таких, что она в принципе должна Светлане и ничего не случится, если она сходит, потанцует, ну или сторонке постоит. Может, там даже будет вкусный фуршет.

— В «Праге».

— В «Праге»? — удивилась Ленка. — Но она ведь закрыта.

— Прикинь, — хохотнула подруга. — Это, оказывается, ширма такая, ну, типа тайна. Чтоб никто не знал. Все думают, что она на реставрацию закрыта, а там внутри давно уже ремонт закончен и олигархи тусуются. Чтоб тебя, — это было уже сказано своей ногой. — Вот рассказываю тебе, а самой еще больше туда хочется. Тайное место, в тайной Москве, для избранных, м-м-м-м-м — мечтательно произнесла Светка и погрозила гипсу: — Сволочь ты.

— Странно только, что ты так легко получила приглашенный в это тайное место для избранных... — сказала Лена задумчиво.

— Да что б ты понимала, — возмутилась подруга. — Легко! Ага, как же! Хватит болтать, неси хну, тебе сегодня по-

корячь «Прагу».

Глава 2. Бал

В современном мире чаще всего обманывает обертка.

31 декабря примерно 19:50 по Московскому времени

— Олег, ты уверен, что это окупится? — в который раз спросил Алик, видимо, жалея потраченных денег.

— Ну, ты посмотри, сейчас тренд на девяностые. Машка, которая пела про «мулипусичные облака», где сейчас? Как взлетела? Рукой не достать! А ведь вместе с нами маялась по ресторанам, — привел аргумент Олег, уже начиная раздражаться на гундеж своего клавишника. — Раз мне это приглашение прислали, значит, кто-то хочет в меня вложиться.

— В нас, — поправил его Алик.

— Ну, конечно, в нас, ты же знаешь, я тебя никогда не брошу, — поправился Олега.

Говорил он это искренне, потому что как только их слава прошла и деньги закончились, жена Алика, забрав дочурку, умотала в Америку, найдя себе там богатого и старого папика, и забыла про бывшего мужа.

У самого Олега была несколько другая история, но не менее трагичная. Его возлюбленная в тот же самый момент их с Аликом неудач выбросилась из окна. Сделала она это не по причине конца его популярности, а из-за зависимости и

пришедшей вместе с ней психической болезни, но легче от этого не было. Итог один. Они остались вдвоем, без семей, без денег и без заработка. Наверное, тогда их спасла только дружба. Пришлось следить друг за другом, не дать спиться, не позволить скатиться в пропасть. Зарабатывали себе на хлеб они тем, что пели в ресторанах и барах. Самым обидным, конечно, было исполнять чужие песни, когда пьяные отдыхающие, не узнав их, начинали протягивать надменно деньги и требовать песни современных чародеев эстрады.

Поначалу Олежа обижался и отказывался исполнять репертуар других певцов, крича, что он Ворон, но со временем Алик уговорил его, и они выучили нынешние хиты, потому что даже если ты звезда девяностых, тебе все равно хочется есть и в нулевых, и в двадцатых.

— Ну, можно было обойтись костюмом и попроще, — продолжал тихо говорить Алик. Он в последнее время сильно сдал, постарел и погрустнел. Олежа недавно понял, что тянули они только благодаря нескончаемому энтузиазму и энергии Алика, но вот, кажется, и он сдался. Пятьдесят пять лет — это не возраст, но, видимо, когда ты постоянно борешься с жизнью, старость приходит быстрее.

Олежа взглянул в зеркало. Вот он постарел несколько меньше друга. Возможно, его освежали шикарные волосы до плеч, конечно же, окрашенные в салоне, а может быть, подтянутая фигура, которой он был обязан каждодневному спортзалу. Кстати, костюм на фигуре сидел идеально.

— Нет, — сказал он Алику примирительно. — Тут нельзя продешевить. Тут я должен показать, что еще могу, что есть, так сказать, порох в пороховницах. Что я еще та лошадь, на которую можно ставить. Ты думаешь, «Мулипусичные облака» Машки или «Чистая река» Гладышевой сами взлетели? Так могут рассуждать только наивные люди. Кто-то берет залежавшийся продукт, готовый пахать за копейки, типа меня, вкладывает бабло. Они знают, как это делать, наполняют соцсети старыми хитами и делают это трендом. Все! Потом стригут бабки.

— Ну, знаешь, — не поверил Алик. — Если бы это так работало, то все суперстарые артисты давно бы уже стадионы собирали.

— Тут главная проблема, — сказал Олежек, поправив свою все еще роскошную шевелюру, — что перед тем, как стричь бабки, надо вложиться, очень сильно. Ни у тебя, ни у меня такого бабла нет, да и у всех суперстаров тоже. Поэтому главная проблема в том, что надо, чтобы тебя выбрали.

— Ты думаешь, нас выбрали? — Алик сделал ударение на «нас», и Олежа тут же поправился.

— Дружище, я не знаю, но таких предложений, приглашений на суперзакрывающую вечеринку селебрити у нас с тобой не поступало уже тысячу лет.

— Но меня не позвали, — не скрывая обиды, напомнил Алик.

— Понимаешь, для непросвещенного человека группа

«Ворон» — это я, Олег Ворон, но мы-то с тобой знаем, что у нас все пополам. Ты пишешь песни, я их исполняю. Более того, вспомни, ведь именно я, когда еще все было хорошо и мы с тобой собирали стадионы, предложил закрепить на бумаге факт совместного владения брендом. Так что у нас с тобой все поровну. Да о чем это я вообще, у нас с тобой жизнь поровну. Мы ее большую часть уже прожили вместе, проверены, как говорится, временем. Так что давай, не раскисай и не надумывай лишнего. Я схожу на эту закрытую вечеринку, всех поражу там своей харизмой и, если дадут такую возможность, пением, эффект подутюжу и вернусь утром с хорошими новостями.

Алик сидел сгорбленный и несчастный, с сожалением глядя на него, видимо, не веря словам друга.

— Одно жалко, — сказал уже в дверях Олежек. — Придется на метро ехать, а это и ботинки испачкаю, и не так пафосно, как на такси.

Они потратили все свои заначки на его костюм, и денег совсем не осталось.

— На, — к двери подошел Алик и протянул тысячную купюру. — Оставил себе на бухлишко на Новый год, но, думаю, обойдусь. Подъешь к ресторану как король.

Если честно, такой поступок очень сильно растрогал Олега. Он сидел в такси и думал, как же ему все-таки повезло в жизни, и у него есть Алик, настоящий друг, почти брат. Да, не сложилось с женой и детьми, но ведь дружба — это тоже

очень важно, ведь у некоторых и этого нет.

Прибыть как король, конечно, не получилось, такси было эконом-класса, да и к «Праге» подъехать было невозможно, так как она располагалась на стыке Нового и Старого Арбата, но туфли, кстати, итальянские, из натуральной кожи, сохранить удалось.

Олег Ворон вышел и взглянул на темные окна старого ресторана. В приглашении, что пришло ему на почту, уточнялось, что вечеринка будет закрытой. Ресторан официально на реставрации, и потому, чтоб не привлекать внимания, надо зайти через черный вход со стороны Старого Арбата.

Вдруг какая-то странная тоска навалилась на него, и захотелось бежать отсюда. Вот в своем этом дорожном брендовом костюме и отполированных итальянских туфлях бежать домой, в Медведково, где Алик точно заныкал бутылку коньяка, и сейчас, открыв ее, сидит и наигрывает на гитаре любимые мелодии.

— Совсем ты, старик, одичал, — сказал сам себе Олежек и, пересилив тоску, пошел к дверям, в которые как раз входила красивая женщина, видимо, тоже из избранных приглашенных.

Она была тонкой, хрупкой и немного испуганной, впрочем, как и Олег.

— Прошу, — сказал он ей, придержав тяжелую дверь.

— Благодарю, — ответила ему дама. Ей было около сорока лет, но слово «дама» очень подходило ее образу. Слегка

надтреснутый голос, который не говорит, а шепчет, белый пуховый платок откуда-то из шестидесятых и строгое черное пальто придавали блондинке ореол таинственности, и Олежек впервые за долгие годы после самоубийства своей девушки вдруг залюбовался.

Мысль «а может, все будет хорошо?» пронеслась и закрепилась в голове, уничтожая все сомнения.

В холле их встретил швейцар, проверил пригласительные и забрал верхнюю одежду. Охранники, два здоровых лба, надели на руку дамы громоздкий браслет.

— Зачем? — поинтересовался Олежек, когда они от девушки перешли к нему.

— Это сюрприз от устроителей, — сказал безразличным голосом один из охраны.

— До конца вечера не снимать, а то карета превратится в тыкву? — попытался пошутить Олежек, но строгие мужчины даже не улыбнулись, а один из них, тот, что отвечал до этого, на полном серьезе ответил:

— Вы и не сможете это сделать — браслет магнитный и открывается только специальным ключом.

В этот момент браслет, очень похожий на тот, который вешают на ногу при домашнем аресте, только металлического серого цвета и с экраном, пикнул и, плотно прижавшись к руке, загорелся зеленым по кромке.

— Плотновато, — отметил Олежек, и вновь нехорошее предчувствие засосало под ложечкой, и захотелось бежать, и

только стыд перед девушкой удержал его от этого поступка.

— Так и должно быть, — ответил, видимо, единственный говорящий в этой паре охранник.

Где-то уже играла веселая новогодняя музыка, предвещающая прекрасную встречу Нового года, и Олежек решил, что если сейчас устроит скандал из-за браслета, который, кстати, дама позволила себе надеть без всякого возмущения, то будет выглядеть глупо, по-стариковски, а ему надо показать себя современным и готовым на эксперименты. Поэтому он еще раз натянуто улыбнулся бугаям в пиджаках и пошел к зеркалу поправить растрепавшиеся на ветру волосы, а заодно снова приглядеться к даме.

Сняв свой старомодный платок и строгое пальто, блондинка оказалась милой женщиной, только очень смущенной. Ее белые волосы были уложены а-ля Наденька из культового советского фильма «С легким паром», а маленькое черное платье очень интеллигентно подчеркивало фигуру. Женщина стояла у огромного зеркала в пол и нервно поправляла жемчужное ожерелье.

Немного посомневавшись, Олег не пошел в сторону, откуда доносилась музыка, а подошел к ней.

— Разрешите представиться, — сказал он шутливо.

— Я знаю вас, — перебила его блондинка. — Вы Олег Ворон, знаменитый певец. Я выросла на ваших песнях.

От такой неожиданности Олежек онемел, и даже нахальная усмешка быстро сошла с его губ.

— Ну-у-у... — протянул он, как баран. — Но-о-о... — продолжал он блеять. — Вы слишком молоды для моей поклонницы, — наконец произнес он.

— Как говорила моя мама, маленькая собака до старости щенков, — пошутила над собой девушка. — Мне почти сорок, и в девяностые, когда вы не сходили с экранов телевизора, я была в самом расцвете фанатских лет.

— Вы напуганы? — спросил Олежек, заметив, как нервно она перебирает ожерелье.

— Я и так переживала из-за похода на это мероприятие, а тут увидела вас и совсем потерялась. Меня зовут Валерия. Только не зовите Лерой, я этого не люблю.

— А вы зовите меня Олежек, я это очень люблю, — пошутил он в ответ. — Знаете, я давно не был на светских мероприятиях, — вдруг сказал он ей честно. — Предлагаю пойти вместе, будет не так страшно.

— А я вообще в первый раз, — улыбнулась Валерия и, взяв под руку, приняла его предложение. — Мне это приглашение подарил отец со своей женой, — говорила она, немного нервно улыбаясь, когда они поднимались по лестнице в зал. — Я бы никогда не пошла, но было неудобно их расстраивать, они так старались.

— Я уверен, мы с вами сегодня безбашенно оторвемся, — сказал ей Олежек успокаивающе. Рядом с ней он вдруг почувствовал себя куда моложе. — В отлет башки, как говорили у нас в детстве.

Олег Ворон шутил, но даже не предполагал, как он на самом деле близок к истине.

Глава 3. Танцы

Когда слишком хорошо — это плохой знак.

31 декабря примерно 20:55 по московскому времени

Чарли был в приподнятом настроении, он чувствовал себя так, словно бы снова попал под софиты, и за это простил своему внуку всё. Все те ужасные моменты, что он пережил из-за него в последнее время. Весь тот позор и унижение.

Он бывал раньше в «Праге», правда очень давно, еще в советское время, но сейчас от того зала, который он помнил, не осталось и следа. Тогда в ресторане было около девяти залов, и, конечно, даже будучи очень знаменитым клоуном, Чарли не посещал все девять, но в «Большом» и в «Гала-зале» бывал частенько: они отличались пафосным интерьером с лепниной, золотом, интерьерами эпохи модерна и тяжелыми бархатными портьерами. От того великолепия абсолютно ничего не осталось. Теперь стены были покрыты тонкими экранами, и на них транслировался интерьер танцевального зала из Петергофа, но самое чудесное, что там, на этих экранах танцевали люди, и стоя по центру казалось, что ты находишься на настоящем балу. Реальных людей же в зале тоже было много, но они как-то уж очень явно делились на две категории. Одни были веселы, постоянно смеялись и танцевали, не притрагиваясь ни к закускам, расставленным на сто-

ликах по всему залу, ни к многочисленным и разнообразным бокалам со спиртным.

Другие же, находившиеся в меньшинстве, были несколько испуганы и в одиночестве стояли, держа в руках те самые пресловутые бокалы, и постоянно оглядывались по сторонам. Именно из-за бокалов Чарли вывел еще одну общую черту: у этих одиноких людей на руках были такие же массивные браслеты, что и у него. Этот браслет — еще одна деталь, что напрягала сейчас бывшего клоуна: он не любил то, чем не мог управлять, а он явно имел электронную начинку и просто так не снимался.

Нет, Чарли понял, что все же ошибся в определении одиночек с браслетами: только что в зал зашла пара, держась под руку, имея на своих запястьях такие же браслеты.

Хотя, возможно, они только что познакомились там, у гардероба с большим зеркалом и громилами-охранниками. Он сам заходил вместе с рыжей девочкой лет двадцати в смешном белом платье. Ее смущало буквально все вокруг. Чарли хотел с ней заговорить, но вдруг испугался, что девочка, которая годится ему во внучки, подумает, что он старый извращенец, пристаёт к ней, и получится скандал.

Чарли в последнее время часто смотрел телевизор и видел такие вещи постоянно, правда, внук утверждал, что это все постановка, но он ему не верил. Не хотелось бы и ему на старости, в свои семьдесят лет, оказаться с позором на центральном канале. Или все же хотелось? Как говорит его

внук, черный пиар тоже пиар. Вот в его время такое не позволялось.

Все правильно, определился Чарли, пара только что познакомилась. Мужчина протянул своей спутнице бокал с шампанским, а она покачала головой и даже ладонь подняла в знак отказа; скорее всего, не пьет в принципе. Были бы они знакомы, мужчина этот факт непременно бы знал.

Таких, как он сам, выделяющихся из толпы, Чарли насчитал восемь человек. Кроме одиночества, браслетов и немного испуганного вида, у них не было больше ничего общего. Это были четверо женщин и четверо мужчин разного возраста: самым старшим среди них был сам Чарли, а самой молоденькой — рыжая девчонка в белом платье, с которой он хотел заговорить у входа.

Сейчас на нее с нескрываемым презрением пялился какой-то мажор. Почему Чарли сразу угадал его статус? Все очень просто: потому что парень был одет в спортивный костюм, усеянный не просто лейблами, а лейблами премиального класса, и стоила эта спортивная одежда тысяч триста, не меньше.

Чарли это мог говорить с полной уверенностью, потому что еще год назад работал охранником в ГУМе, где насмотрелся и на мажоров, и на их дорогушие тряпки. Пристроил его на эту работу директор цирка, пожалев старика, мыкающегося без работы. Обратного в цирк он его взять не мог, да и Чарли сам все понимал.

В ГУМе график посменный, чинно, красиво и главное — зарплата раз в пять выше, чем он получал клоуном. Чарли был сам по себе импозантен, а в дорогом костюме, что выдали тогда в бутике для работы, он вообще смотрелся не охранником, а солидным посетителем. Но год назад оттуда все же пришлось уйти из-за непутевого внука. Хорошо хоть по старой памяти и за хорошую работу в полицию тогда обращаться не стали, пожалели. Мечтающий стать блогером внук пришел к нему якобы поговорить, а сам заснял VIP-гостей в примерочной. Подставил Чарли, да и себя тоже, ведь жили они только на его зарплату.

В этот момент все экраны по стенам вдруг превратились в зеркала. Это тоже придало эффект бесконечно огромной толпы, а Чарли поразился фантазии устроителей. И тут же выругался, что назвал себя стариком. В отражении он увидел подтянутого мужчину в годах, с очень стильной бородой и внушительными усами, уложенными концами вверх.

«Пора и мне с кем-то познакомиться», — подумал он, подмигнув своему отражению, и все же пошел к рыжей девушке в белом платье: уж очень жалко она смотрелась, и ему захотелось поднять ей настроение. «Была не была, отошьет — пойду к грустной Леди Вамп за соседним столиком, что осушает уже третий бокал».

— Здравствуйте, прекрасная Алиса. С наступающим вас Новым годом, — сказал он, подойдя к девушке. — Давайте знакомиться.

— Я не Алиса, — ответила та смущенно. — Вы меня с кем-то перепутали. Я Лена, ой, то есть, Света.

— Так Лена или Света? — хохотнул Чарли, видя, как девушка чересчур сильно волнуется, и это его, если честно, тоже насторожило, как и громоздкие браслеты на их руках, как и танцующие люди, похожие на массовку. Вообще внутри зарождался непонятный страх, который здесь, на новогоднем празднике, был абсолютно необоснованным.

— Светлана, — ответила девушка, видимо, что-то для себя все же решив и выбрав нужное имя.

— Вы знаете, я когда-то читал своему сыну на ночь «Алису в стране чудес» и представлял, что она именно такая, как вы. Возможно, это были мои взрослые фантазии.

— А в детстве вы как ее представляли?

— Никак, — пожал плечами Чарли. — В детстве я не имел возможности читать такие книги. Они были не по карману моей матери. Вы дрожите?

— Просто замерзла. Не думала, что в зале будет так холодно, — неохотно призналась девушка.

Здесь действительно было прохладно, но Чарли этого не ощущал, потому как был в смокинге, а вот девица, в надежде, видимо, найти себе кавалера получше, выбрала не подходящее для такой температуры платье. Плечи у нее были оголены, а короткая и пышная юбка заканчивалась там, где только начинались ноги — в таких выступали цирковые наездницы. Воспоминания унесли его туда, где самая красивая

девочка на свете скакала на лошади, и на сердце вновь лег тяжелый камень. Но он не дал им задушить себя, взял себя в руки и вновь заговорил:

— Есть два предложения, как согреться: потанцевать и выпить. Поделиться своей одеждой я, к сожалению, с вами не могу, потому как под смокингом фрачная рубашка, — развел руками Чарли, но, прочтя вопрос в глазах девушки, добавил: — Ну, это такая рубашка с голой спиной, где расположены лямки-резинки, чтоб перед не морщился. Мне холодно не будет, я, скажу не хвастаясь, на самом деле морж, но вот выглядеть стану отвратительно. Предлагаю поверить мне на слово и не проверять данный факт.

— А, нет, — воскликнула девушка, поняв наконец, о чем говорит Чарли. — Не стоит, давайте попробуем потанцевать.

Тут как раз заиграл вальс, Чарли подхватил девушку, похожую на Алису, и закружил в танце. Он сразу понял, что та не знает шагов, но это не было проблемой: Чарли сам танцевал как Бог и потому просто управлял своей новой знакомой, чему, надо сказать, она совсем не сопротивлялась.

И вот, кружась в умопомрачительном вальсе, он вновь подумал: «Как же хорошо, так хорошо, что даже страшно. Или я ошибаюсь, и мне правда страшно. Но почему?»

Исповедь дочери маньяка

Москва, 10 января 1947 года. Это был мой первый День рождения, который я запомнила. У всех людей есть своя точка отсчета, и это не дата рождения, это

первый день, который ты запомнил. Моя жизнь началась с десятого января 1947 года. Маленькая Элла, можно сказать, начала с него свое осознанное существование. Даже тогда, в четыре года, я четко понимала, что что-то в нашей с папой жизни не так, как у всех, и дело даже не в том, что у нас нет мамы. Этот факт я приняла как должное, как аксиому, которая не требовала никаких объяснений. Дело было в другом: мы не были обычной советской семьей, и это прослеживалось в мелочах, которые тогда я еще не могла объяснить и соединить воедино.

Я ходила в детский сад, общалась со своими сверстниками и потому видела, как ждут своего Дня рождения другие. Как приходят на следующий день с новым мишкой или машинкой и гордо показывают, рассказывая, как их поздравляли. Садик был ведомственный, и даже в голодные послевоенные годы родители при должностях могли порадовать своих детей небольшими подарками.

Няня забрала меня с детского сада и, раздев, накормила невкусным супом, даже не собираясь поздравлять и дарить подарок. «Возможно, это сделает папа», — думала я и не засыпала, лишь лежала с закрытыми глазами, чтоб няня не ругалась. Лишь услышав стук открывающейся двери, не сдержалась и вскочила в кровати от предвкушения.

Нянька, прикрикнув, вышла из комнаты, и я слышала через дверь, как она разговаривает с отцом, прощается и напоминает ему, где она оставила ужин и как его подогреть, при этом ни словом не упомянув про мой День рождения. Когда дверь за нянькой закрылась, я не выдержала и, не надевая тапок, босиком по ледяному полу выскочила из комнаты в гостиную.

Отец сидел в кресле и смотрел в одну точку, полностью уйдя в себя и не замечая ничего вокруг. В последнее время он был таким постоянно. Вернее, не так — другим я его и не помнила, но мне почему-то хотелось верить, что когда-то он все же был другим.

Я подошла к нему и, погладив по руке, спросила:
— Ты принес мне подарок?

Мне показалось, что папа не просто не понял вопроса. Он в принципе не сразу осознал, кто стоит перед ним, а когда до него дошло, то железным голосом, сделав его даже страшнее, чем обычно, ответил:

— Как ты можешь выпрашивать подарки? Дрянь! Ты должна помнить, что ты особенная, в тебе течет голубая кровь! Быстро в кровать!

От страха я стала грызть ногти, от этого отец и вообще пришел в ярость и ударил по рукам.

— Не смей грызть ногти, ты не свинья! — заорал он.

Кого отец подразумевал под свиньями, я тогда не поняла, впрочем, как и все остальное, что он сказал.

Я ведь точно знала, что кровь у меня красная, а не голубая. Установила сей факт я, когда однажды поцарапалась в детском саду о раму железной кровати, поэтому ничего с этим знанием было уже не поделать. Но папе я решила не говорить, боясь его расстраивать еще больше. Вдруг он узнает, что у меня самая обычная кровь, и все, бросит меня.

Испугавшись, я ушла в свою комнату и тихо заплакала в подушку. Может, я ошиблась и у меня нет никакого Дня рождения?

Но сегодня в детском саду меня поздравляли и даже водили хоровод. Нянечка в честь дня рождения сделала бутерброд с маслом и малиновым вареньем, чего не было, конечно, в меню. Детский сад, хоть и был особенным, как говорила гордо воспитательница — наркомовским, — но бутерброды с маслом и вареньем, видимо, даже он позволить себе не мог. Нянечка, скорее всего, принесла его из дома, и я не ела ничего вкуснее в жизни. Женщина жалела маленькую Элли, называя сиротинушкой, и часто гладила меня по голове своей морщинистой рукой. Я знала, почему меня так называют, но не понимала их сочувствия. Моя мама погибла во время бомбежки, я ее совсем не помнила, а потому совершенно не скучала и не огорчалась по этому поводу.

Немного погоревав из-за подарка, я решила, что не

могли в садике так ошибиться, и, уже надев тапки, вновь пошла в гостиную, чтоб рассказать папе о сегодняшнем странном дне. Сказать, что я весь день была хорошей девочкой и делала все как положено высшему разуму на земле — человеку, но отца там уже не было. Тогда я пошла искать его и в приоткрытую дверь кухни увидела, как папа сидит на полу и, глотая прямо водку из бутылки, тихо поет.

В этой ситуации все было неправильно до абсурда. И то, что папа сидит на полу: он всегда сидел только на стуле, даже на табуретку не садился, называя ее плебейской мебелью. И то, что пил водку из горла. Насколько Элла могла видеть, папа не пил совсем, разве что иногда, у соседей Петровых, по большим праздникам, и то немного. Но самым странным было то, что папа пел, — вот этого он не делал никогда, даже у Петровых, когда дядя Паша затягивал «Синий платочек», папа молчал и даже не качался вместе со всеми в такт. Когда я спрашивала его, почему, он говорил, что музыка — это Бах и Бетховен, а все остальные напевы — моветон.

Но самое удивительное было в том, что сейчас отец пел на каком-то незнакомом мне языке, резком и рычащем, как мотор.

На мгновение даже показалось, что я вижу не человека, а зверя, который говорит на зверином.

Поняла ли я уже тогда, что мой папа — настоящий зверь? Осознала ли это?

Нет.

Просто это было мое первое воспоминание, которое осталось на всю жизнь.

Глава 4. Сон

Если ты очень хочешь проснуться, сделай себе больно.

31 декабря, примерно 21:17 по московскому времени.

Сага еле сдерживал ярость. Опять Вениамин над ним пошутил, опять прикололся. Пригласил отмечать вместе Новый год в пафосном месте, с сильными мира сего, как он выразился, уговаривал долго, умолял и в итоге кинул его.

Вот почему он всегда так, почему никак не хочет по-хорошему, по-братски? Откуда у двадцатилетнего парня столько скрытой за маской дружелюбия ненависти и неприятия?

Сага же на самом деле хотел с ним подружиться, особенно тогда, когда год назад только прилетел в Москву. Он даже повелся на его уговоры вместе управлять отцовской империей, что досталась Саге в наследство, и почти подписал документы, уравнивающие его и единокровного брата в правах. Но тут вмешался его величество случай, иначе и не скажешь. Сидя в кабинете отца, Сага по незнанию, видимо, куда-то не туда нажал и услышал, что Веник ржёт в приёмной с секретаршей, рассказывая, как обдурил деревенского лоха.

Естественно, никаких документов он тогда не подписал. Сага тоже повёл себя неправильно, по-детски что ли, выгнал Веника из офиса компании, приказав охране никогда

его больше не пускать даже на порог.

Потом он очень переживал по этому поводу, прокручивая в голове возможные сценарии, при которых он не выглядел бы периферийной обиженной. Именно эти его терзания и послужили в дальнейшем причиной быстрого примирения кровных братьев.

Через полгода после ссоры Веник пришёл и долго извинялся, говорил про свой несносный характер, из-за которого отец как раз и не оставил компанию ему, а передал Саге, про то, что, конечно, ему обидно, что папа его подвинул, и поэтому он иногда проявляет себя не лучшим образом.

Долго рассказывал о том, как одинок и что очень хочет быть рядом со братом. Плакал, да он плакал, по-настоящему, двадцатилетний пацан обливался слезами, всхлипывая по ходу своего рассказа. Конечно, слёзы были частью спектакля, но Веник не знал, что мог бы так не стараться и не выдавливать из себя солёную воду. Сага простил бы его и после одного сухого «извини», но тот ещё не раскусил его и потому долго старался оправдаться, да так, чтоб ему точно поверили.

И, Сага, конечно же, простил.

Почему? Да потому что сам был очень одинок. Потому что вырос без отца, в отличие от того же Веника, который был с ним рядом до самой его смерти. Более того, у Вениамина, в конце концов, была мать, красивая сорокалетняя женщина. Ей отец оставил пожизненное содержание и 1% акций сво-

ей империи. Сага встречался с ней лишь однажды, на подписании документов у нотариуса, когда они все вступали в наследство. Мачеха подошла к нему, посмотрела прямо в глаза долгим и пронзительным взглядом и просто, без злости и пафоса произнесла: «Я рада, что он не оставил империю Вениамину, тот бы всё развалил. Нет у него отцовского гена, не богатырь он, так, Петрушка с базара. Хоть внешне вы и похожи с моим сыном, оба в отца. Но вот ты, кажется, унаследовал то, что он называл богатырской силой, и это он не про физическую форму, это он имел в виду силу характера. Так что не обмани его ожиданий и моих, кстати, тоже. Будет компания — будет и моё содержание. Дерзай, я за тебя. Жду выплат», — и ушла, не прощаясь.

С мамой же самого Саги отец развелся, когда ему было всего месяц. Батя, бросив жену с малышом в голодные годы, уехал и затерялся в огромной стране, зачем-то сменив даже фамилию, взяв её у матери Веника. Возможно, у него были на то причины. Скорее всего, он хотел войти в законные двухтысячные без груза от замороженных девяностых, а во Владивостоке они были именно такими. Отец ни разу не платил алименты, да если честно, мать и не подавала на них, Сага не знал, почему — может, любила его, а может, боялась. Саге хотелось думать, что мать была гордая и не простила предательства, впрочем, как и он сам.

Вот так они и прожили, вдвоём с мамой, не ожидая ниоткуда помощи, спасая себя сами. Когда она умерла, то Сага

остался вовсе один. По сути, вся его жизнь была борьбой: с пацанами, которые обзывали за плохую одежду, с литературой, которая давалась тяжело, с поступлением в институт, где надо было набрать большое количество баллов, так как бесплатных мест было мало, а платное мама бы не потянула. Да и с обучением в институте, где Сага было не интересно учиться.

Единственное место, где он был когда-то по-настоящему счастлив, — это на электростанции, где работал дед. Тот, против всех правил, брал внука на работу и там учил всему, что знал сам.

Правда, длилось это недолго, дед рано умер, и маленькое счастье закончилось, но всё, чему когда-то он научил внука, потом пригодилось в жизни. Сага даже не знал, как, но техника слушалась его, или же он чувствовал её кончиками своих пальцев. Сначала интуитивно, а потом уже и поднабравшись опыта, Сага мог починить любой пылесос и холодильник, и данное занятие приносило ему большое удовольствие.

Правда, этот свой дар, полученный от деда, он скрывал, стесняясь его. Дело в том, что с самого детства мама твердила, что мечтает, чтобы Сага зарабатывал головой, а не руками. Апеллируя к тому, что вот у неё образования нет, и потому приходится всю жизнь гнуть спину.

Один раз он принёс домой пылесос соседей, тот сломался, а Сага вызвался помочь за небольшие деньги. Он был очень горд, что принесёт семье хоть какой-то достаток, и был оша-

рашен обратным эффектом.

Первый раз тогда мама кричала на него так, что слышал весь подъезд. Она говорила, что трудится в две смены в порту, чтоб Сага получал образование, а не для того, чтоб чинил чужие пылесосы. Позже мама долго плакала и извинялась перед ним, но её крик и горькие, какие-то беспомощные слёзы на всю жизнь врезались в память, и он старался больше её не расстраивать.

Когда мамы не стало, Саге было двадцать четыре года, и он уже работал, как и мечтала она, — головой, а не руками, и успела порадоваться за него.

Но вот в чём ужас — до сих пор Сага ещё не вырос, он всё равно в душе оставался маленьким мальчиком, которому обязательно нужно, чтоб его кто-то любил и хвалил. Девушки у него тоже не случилось, потому как он круглосуточно работал, а для того, чтоб познакомиться, было необходимо время. Да и его опыт общения с противоположным полом удачным не назовёшь. В школе и институте девушки обходили молодого человека в простенькой, порой не модной и потрепанной одежде стороной, а если Сага сам подходил знакомиться, морщили свои красивые носики от предложения прогуляться в парке. На кафе, а тем более на рестораны, у Саги денег, конечно же, не было. Поэтому, когда он стал зарабатывать, ему казалось, что всем представительницам противоположного пола только деньги от него и нужны. Была попытка завести отношения на работе, но, когда

на следующий день девушка попросила подарить ей айфон, он разочаровался полностью и перестал даже пытаться. Это были самые одинокие два года в его жизни.

И вот, вдруг, на него снизошло счастье, вот так, скопом. Оказывается, отец про Сагу не забыл и даже, как написал в завещании, следил в последнее время за его успехами. Правда, при жизни встретиться побоялся, знал, что Сага его не простит. Странно звучало, конечно, но молодой человек эту версию принял, ощутив привкус горечи, что тот всё же не попытался оправдаться.

Но ведь ещё был брат, настоящий младший брат, о котором он всю жизнь мечтал. Родной по крови человек.

И вот как после этого всего Сага мог не простить Веника? Ведь он знал про одиночество всё, и даже чуточку больше.

Конечно, после примирения в компаньоны уже не брал, просто поставил на управление одним из отделов корпорации, присматриваясь к нему.

Вениамин же стал себя вести, словно и не было того скандала. Начал везде таскать с собой Сагу, выбирать ему шмотки, машины, объясняя, как сейчас принято в Москве. Он даже стал вести за старшего брата социальные сети, утверждая, что так положено и без этого нельзя. Иногда фотографируя и себя, так как братья, не смотря на разницу в семь лет, были очень похожи меж собой — вылитый отец.

К слову сказать, социальные сети Сага до этого никогда не вёл, считал это потерей времени. Он был уверен, что можно

очень много сделать, пока кто-то бездумно следит за чужой жизнью. Ну, а свою не выставлял, потому как раньше нечего было выставлять, работа и дом — вот всё, что было в жизни молодого человека, а сейчас стало некогда.

Но Веник всё придумывал за него: и путешествия, и рестораны, и тусовки с длинноногими красотками — где он их только находил, таких красивых, Сага не знал, да и, честно сказать, ему было всё равно. Брат периодически показывал ему, как красиво и бурно, судя по социальным сетям, он живёт, но Сага только ухмылялся. Так же он отмахивался от постоянных попыток Вениамина ввести его в элитный клуб москвичей, но иногда брату всё же удавалось уговорить Сагу, вот, например, как сейчас.

Пойти на эту вечеринку Веник его почти умолял, причем на этом ужасном спортивном костюме настоял тоже он, мол, все там будут так одеты. И вот сейчас он ходил меж людей во фраках и вечерних платьях и чувствовал себя шутком. Он не удивился бы, узнав, что кровный брат сейчас где-нибудь на втором этаже, вот на том затонированном балконе, попивая любимый маргини, снимает Сагу на телефон и заливается своим звонким смехом.

«Выйду с праздника и уволю сволочь такую», — сгоряча подумал он. «Хотя, я сам виноват, — даже сейчас наедине с собой Сага защищал засранца Веника: — В двадцать семь лет надо бы уже понимать, кто, куда и в чём ходит. Нацепить спортивный костюм на вечеринку — это надо ещё умудрить-

ся».

Саге надоело разглядывать танцующую толпу, и он посмотрел по сторонам. В углу, так же одиноко, стояла девчонка, наверное, ровесница Веника, лет двадцати. Красивое белое, хотя нет, не белое, цвета шампанского платье, сидело на ней как-то неловко, словно бы её одевали насильно. Он ещё раз оглядел рыжую кучеряшку с ног до головы и понял, что ошибся. Нет, платье сидело замечательно, просто девушка явно не умела носить такую одежду.

«Охотница за миллионерами», — тотчас вынес вердикт Сага, и возникшее презрение к девушке, казалось, отразилось даже на лице: не её это. Где-то достала пригласительный и, набрав кучу кредитов, которые потом будет выплачивать несколько лет, пошла искать себе папика. Но почему? Зачем? Неужели за деньги так просто променять любовь, детей, семью на ночи с дряхлым стариком? Он видел таких искательниц, когда работал в банке, они приходили вместе со своими папиками, стройные, тонкие, красивые и при оформлении им сберегательных счетов или премиальных карт тут же целовали своих дряхлеющих кормильцев в их морщинистую щеку. Даже на эту благодарность было смотреть отвратительно, не говоря уже о чем-то другом.

— Фу, — сказал вслух Сага, и словно в подтверждение его мыслей к искательнице миллионеров решился подойти именно такой дедуля в смокинге. Девушка же в ответ на его приветствие призывно, как ему показалось, улыбнулась, пол-

ностью подтверждая все предположения.

«Что и требовалось доказать», — подумал Сага. Теперь, став главой огромной корпорации, он, казалось, и вовсе чувствовал таких за версту.

Девушка ему была более не интересна, с ней всё было понятно, поэтому Сага вновь оглядел зал в поисках Веника.

Телефоны на входе забрала охрана, заявив, что вечеринка закрытая и они заботятся о конфиденциальности, поэтому позвонить этому гаденышу и обматерить не получится.

Хотя в ситуации неведенья был и свой плюс: оставалась надежда, что Веник всё это не специально, сейчас откроется дверь и он зайдёт сюда в таком же костюме и скажет: «Прости, брат, я опоздал, пробки и совершенно не знал, что здесь дресс-код».

Вдруг, ни с того ни с сего, страх пробрался под кожу и задергал нервы как струны. С чего бы?

— Скучаешь? — услышал Сага и обернулся. За его спиной стояла настоящая воительница, ей только не хватало копья. Её чёрные волосы стояли, как казалось Саге, дыбом, красное платье в пол смотрелось как шкура змеи, а губы, накрашенные алой помадой, смотрелись так, словно она только что победила в неравном бою хищника и выпила всю кровь. — Давай скучать вместе, Новый год всё-таки, никто не должен оставаться один, по крайней мере, так сказали мне мои подчинённые, — добавила дама, глотнув шампанское из почти пустого бокала. — Меня зовут Анна, а тебя, мажорик?

Сага хотел сказать грубость, но сдержался, сделав скидку на алкогольное опьянение дамочки.

Та, видимо, заметив его порыв, громко хохотнула, так, что даже стоявшая рядом пара осуждающе оглянулась на них.

— Ну-ну, не злись. Я просто говорю, что думаю, это мой девиз по жизни. Знаешь, мне кажется, поэтому мне так везёт, потому что не подстраиваюсь ни под кого. А мажорик — это не страшно, это в Москве даже почётно, — Анна опять пьяно хохотнула. — Так как тебя зовут?

— Сага. — Он решил не идти на конфликт с девушкой подшофе, а просто покинуть это заведение.

Дома его ждал кот Матвей, которого он забрал из Владика. Кот был очень старым и помнил маму, что роднило их больше любых других причин. Именно поэтому Сага не пожалел сил, а привёз друга с собой на новое место жительства. Можно сказать, кот был на данный момент единственным членом его семьи, тем самым, которым Веник так и не стал и, наверное, уже не станет, вопреки стараниям Саги.

— Что за имя дворовое? — спросила грубоватая леди. — Производное от Сергей?

Он пожалел, что по привычке назвался своим личным именем, именно так его с детства называла мама. Но дело в том, что он долгое время не любил своё полное имя, потому что так звали отца. Того, кто предал, кто не дал попробовать на вкус слово «батя». С возрастом эта ненависть, конечно, отошла на второй план, но привычка осталась. К тому вре-

мени так его называли уже все: и мама, и немногочисленные друзья, и учителя в школе. Более того, даже в офисе, где, надо сказать, за год работы он установил хорошие отношения, вместо «Александр Александрович» подчинённые называли, пусть и на «вы», но тоже Сага.

— Производное от Саша, — пояснил он, но зря — девушке собеседник был не нужен, она слушала только себя.

— Мне уже тридцать... Да-да, я знаю, что выгляжу моложе, это всё хорошая генетика, — продолжала Анна, не обращая внимания на отсутствующий вид Саги. — Но я прожила уже две свои жизни. Я сама, слышишь, сама, а не дяди с толстыми кошельками, сделала себя. Я доказала миру, что можно быть красивой женщиной и при этом добиваться вершин успеха в бизнесе.

Саге тоже было почти тридцать, и те три года, что разделяли его и эту пьяную дамочку, особо ничего не значили, он тоже, по сути, добивался всего сам, только не орал об этом на каждом углу. Когда год назад его нашёл нотариус, то двадцатипятилетний на тот момент Сага был управляющим отделения банка во Владивостоке и очень, он бы даже сказал, очень-очень усердно работал, чтоб его заметили и продвинули дальше. В отделении его даже называли «железный дровосек», потому что он мог пахать сутками, не прерываясь на еду и отдых. Его уже заметило начальство и продвигало бы дальше, если бы как снег на голову не свалилась в наследство огромная империя, которой он сейчас пытался управлять не

хуже отца. Кстати, управлять, наперекор расхожему мнению, было очень нелегко, и как прошёл этот год, он попросту не заметил, полностью погружённый в работу.

Жил Сага по-прежнему в квартире отца, в его собственной, что заставил купить Вениамин, всё ещё шёл ремонт. Хотя в последнее время казалось, что Веник просто подворовывает на ремонте, вместе с бригадиром, который был его протеже.

«Надо после праздников проверить», — поставил тут же себе задачу Сага.

Когда же у него выдавались свободные вечера, он перебирал в квартире бумаги, сувениры и огромную коллекцию антиквариата, в тайне мечтая найти записку, написанную отцом специально для него. Но ничего подобного не было, если не считать старую переписку отца с матерью Саги. Хотя сейчас ему хотелось бы, чтоб он ту переписку не находил и не знал, что, по сути, сам виноват, в том, что отец с ним не встретился.

По вещам Сага пытался понять, каким был батя. «Батя» — как же ему хотелось сказать это слово в детстве, когда его друзья жаловались на своих, или наоборот, гордо сообщали, что они с «батей» в воскресенье идут на рыбалку, Сага завидовал им белой завистью и наедине с собой проговаривал это слово, словно примеряя к своей жизни. Но, видимо, не судьба.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.